

**TANTUM VERA SCIENTIA DEBET DESCENDERE IN HISTORIA
(В ИСТОРИЮ ДОЛЖНЫ ВОЙТИ ТОЛЬКО ИСТИННЫЕ ЗНАНИЯ)**

**С.В. Черниченко. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ИМПЕРАТИВНЫЕ НОРМЫ
И БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ЗАПИСКИ
ЮРИСТА-МЕЖДУНАРОДНИКА. М.: Научная книга, 2021. – 424 с.**

© 2023 г. Е. С. Смирнова

Международный славянский институт, г. Москва

E-mail: es.selesta2010@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.05.2022 г.

Аннотация. Институт прав человека является ключевым средством защиты прав личности. Перечень прав человека весьма широк, но не завершен. Предстоит много работы по утверждению этого механизма защиты в национальном и международном праве XXI в.

Ключевые слова: государство, личность, защита, граждане, знание, идея, мир, организация, система, наука.

Цитирование: Смирнова Е.С. (2023). *Tantum vera scientia debet descendere in historia* (в историю должны войти только истинные знания)

С.В. Черниченко. Права человека, императивные нормы и базовые принципы международного права: записки юриста-международника // Государство и право. 2023. № 8. С. 207–212.

DOI: 10.31857/S102694520027236-0

**TANTUM VERA SCIENTIA DEBET DESCENDERE IN HISTORIA
(ONLY TRUE KNOWLEDGE SHOULD ENTER INTO HISTORY)**

**S.V. Chernichenko. HUMAN RIGHTS, IMPERATIVE NORMS AND BASIC
PRINCIPLES OF INTERNATIONAL LAW: NOTES OF AN INTERNATIONAL
LAWYER. Moscow: Scientific Book, 2021. – 424 pp.**

© 2023 E. S. Smirnova

International Slavic Institute, Moscow

E-mail: es.selesta2010@yandex.ru

Received 30.05.2022

Abstract. The institute of human rights is a key means of protecting individual rights. The list of human rights is very wide, but not complete. There is a lot of work to be done to approve this protection mechanism in the national and International Law of the XXI century.

Key words: state, personality, protection, citizens, knowledge, idea, world, organization, system, science.

For citation: Smirnova, E.S. (2023). *Tantum vera scientia debet descendere in historia* (only true knowledge should enter into history)

S.V. Chernichenko. Human rights, imperative norms and basic principles of International Law: notes of an international lawyer // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 207–212.

Юристам Российской Федерации и многих зарубежных государств хорошо известен проф. С.В. Черниченко, состоявший долгие годы в авангарде науки международного права. На его трудах воспитывалось не одно поколение дипломатов, практических работников юридической сферы, преподавателей. В конце 2021 г., уже *post mortem*, в издательстве «Научная книга» вышла его монография «Права человека, императивные нормы и базовые принципы международного права: записки юриста-международника». Следует считать эту работу своего рода завещанием последующим поколениям юристам-международникам с целью сохранения того огромного массива юридических знаний, которому служили специалисты этой отрасли знаний во второй половине XX в. Оставались они преданными идеям сохранения мира, воплощенным в Уставе ООН, и в XXI в.

Автор в предисловии указывает, что его работа содержит ссылки на ранее опубликованные «Очерки по философии и международному праву»¹ и «Контуры международного права»². Тем самым делается необходимая ремарка — следует еще раз вспомнить предшествующие научные труды, а также выделить последовательность логики рассуждения ученого (с. 5), «философский заряд» концепций прав человека (с. 22). Книга состоит из *двух частей* — «*Размышления*» и «*Наблюдения*». *Часть первая* разделена на *восемь глав*, включает также *пролог*. «*Феномен прав человека*» — это *глава первая* книги. Профессор С.В. Черниченко задает риторический вопрос: кто «изобрел», кто создатель идеи прав человека? (с. 19). Борьба за независимость в США, Великая французская революция, а еще ранее — работы мыслителей эпохи Просвещения... Идея носилась в воздухе, но была закреплена во внутригосударственных правовых актах. Понятие прав человека — это плод человеческой деятельности, возникающий в результате развития общества. Следует указать, что на обложке книги изображена скульптура О. Родена «Мыслитель», тем самым в авторской (!) редакции книги подчеркивается связь мыслительного процесса и прогресса общества. «Европоцентристский» подход к международному праву, безусловно, подвергается критике. Но справедливо будет отметить приоритет именно Европы в установлении идеала индивида (с. 20). Единой концепции прав человека нет, ее бесполезно искать — это часть мировоззрения, по мнению автора, естественно-правовой подход приводит ученого в этой области знаний даже к антропологическим исследованиям (с. 22, 23). Принцип суверенного равенства государств, который невозможно приуменьшить, закреплённый в Уставе ООН, упорядочивает международные отношения, тем самым подтверждая тезис о многозначности подходов народов мира к самой концепции. «*Равенство, справедливость и свобода как основания прав человека*» (*глава вторая*) представляют три ракурса единой основы прав человека, куда входят моральная сторона, естественно-правовая и позитивно-правовая (с. 37). Автор прибегает к еще одному логическому приему — *disputationem a dorso*, т.е. дискуссии от обратного. Следует вспомнить о еще одном феномене — об антиправе (с. 47), которое выражает дисгармонию в тенденции развития общества. Часто разграничить право и антиправо непросто, подчеркивает автор. Регрессивные периоды истории были неизбежны в мировой истории. Но человечество шло по пути прогресса: в учениях стоиков, в христианстве, в иудаизме уже говорилось

о равенстве людей. И только в XVII в. стали рассматривать равенство в правовой плоскости. Понятие прав человека столь всеобъемлюще, что даже Устав ООН не раскрывает это понятие, хотя это первый подлинно всемирный международный правовой акт, в котором говорится о правах человека (с. 56). Перечень прав человека содержится во Всеобщей декларации прав человека и в Пактах о правах человека. Резолюция ГА ООН 33/11 от 12 ноября 1984 г. (Декларация о праве народов на мир), а также Резолюция 41/124 от 4 декабря 1984 г. (Декларация о праве на развитие) — это документы, которые специально посвящены «третьему поколению» прав человека (с. 59).

Концепция «*Ответственность по защите*» (*глава четвертая*) — это ответственность государств защищать своих граждан от нарушений прав человека. Каждое государство обязано защищать права человека независимо от гражданства данных лиц (с. 77). Концепция ответственности по защите появилась в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. и была принята в виде резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 60/1 от 16 сентября 2005 г. Российская Федерация поддержала эту резолюцию. Геноцид, этнические чистки, военные преступления как государственная политика представляют международную проблему и могут потребовать принятия Советом Безопасности ООН принудительных мер на основании гл. VII Устава ООН, включая в тех или иных ситуациях применение вооруженной силы (с. 79–90). Восстания и революции приходят, по мнению ученого, не потому, что есть право на восстание и революцию как право в юридическом смысле, в правовой науке этому обоснования нет. Это происходит как звено в общественном развитии (с. 91). Автор ссылается на мнение проф. В.С. Котляра о том, что это больше политический лозунг. Правовую характеристику такому явлению дать сложно, но и право, и мораль здесь присутствуют. Их роль разнопланова. Революция случается не по правовым рецептам (с. 92). Вправе ли часть населения, в отношении которой в государстве допускаются грубые, массовые нарушения прав человека (геноцид, преступления против человечности), оказывать вооруженное сопротивление? Ответ должен быть утвердительным (с. 92). С.В. Черниченко указывает на сложное положение населения на Юго-Востоке Украины, требующее конкретного анализа. События вокруг Украины в 2014–2015 гг. свидетельствуют о недопустимости принижения роли государства в положительном и отрицательном смыслах (с. 111). Было бы полезно посмотреть на то, что собой представляет гуманитарная интервенция как антипод концепции по защите. В современном мире понятие «гуманитарная интервенция» изменилось. Вооруженное вмешательство может носить и превентивный характер, поскольку эта ситуация представляет угрозу международному миру и безопасности. Причем на основе гл. VII Устава ООН за такими действиями не обязательно следует только применение вооруженной силы. Наблюдаются также попытки реанимировать тезис о возможности гуманитарной интервенции. Бомбардировки НАТО Югославии в 1999 г. — пример подобной реанимации. Изобранный аргумент, приводимый в оправдание этой акции, — ссылка на ст. 24 Устава ООН, согласно которой на Совет Безопасности возложена якобы главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Формулируется вывод: индугенция на совершение вооруженного вторжения на территорию того или иного государства (включая и бомбардировки его территории) без санкций Совета Безопасности ООН — возврат к международному праву XIX — начала XX в. (с. 102).

¹ Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. М., 2009.

² Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы. М., 2014.

«Вопрос международной правосубъектности индивидов и Нюрнбергские принципы» (глава пятая) решен в рецензируемой работе во взаимосвязи национального и международного права. «Если исходить из того, что существует объективная граница между внутригосударственным и международным правом, то она является непреодолимой. Иначе нельзя было бы говорить об объективной границе. Именно такая точка зрения лежит в основе объективного дуализма. Отсюда и вывод о невозможности наделения индивидов международной правосубъектностью» (с. 104). Представляет интерес рассуждение автора о т.н. совместном праве, когда было установлено право Союзным Контрольным Советом для Германии в 1945 г. Вопрос о международной правосубъектности индивидов рассмотрен на примере положения подсудимых в международных судебных органах. С.В. Черниченко обращается к Нюрнбергскому и Токийскому процессам (с. 119, 120). Современные международные судебные органы, их деятельность невозможно обособить вне Устава ООН (с. 121, 122). Автор формулирует вывод о том, что нет нормы, определяющей перечень международных преступлений и перечень преступлений по международному праву, это вряд ли возможно. Но есть область международного права, определяющая международно-правовую ответственность государств независимо от того, совершаются ли такие деяния вне пределов собственной территории государства, как агрессивная война, или в пределах собственной территории (с. 127). «Вопрос о расширении понятия нарушения прав человека как международного преступления» (глава шестая) содержит наиболее актуальные выводы. Профессор С.В. Черниченко обобщает: «наиболее опасная категория нарушений прав человека — грубые и массовые нарушения, совершаемые по указанию правительства или ими санкционированные» (с. 129). Все они являются международными преступлениями. К сожалению, декларация в рамках ООН, содержащая аналогичное название, так и не была принята в 1998 г. Но идея ее разработки не утратила своего значения (предложение о ее принятии было выдвинуто еще до бомбардировок государствами — членами НАТО Югославии и оккупации Ирака войсками США). В настоящее время представляет сложность разграничение менее серьезных и грубых нарушений прав человека. В данном случае автор ссылается на выводы семинара в Маастрихте по праву на реституцию, компенсацию и реабилитацию в отношении жертв грубых нарушений прав человека и основных свобод (11–15 марта 1992 г.). Уголовная ответственность физических лиц как предмет для изучения позволяет сделать вывод о том, что «в качестве международных преступлений могут рассматриваться чаще всего лишь действия официальных лиц, независимо от их уровня, поскольку именно официальное качество таких лиц сообщает указанным действиям характер действия государства» (с. 144).

Тема главы восьмой — «Верховенство права на международном уровне, права человека и российское право» — включает в себя положения Декларации совещания на высоком уровне ГА ООН по вопросу о верховенстве права на национальном и международном уровнях, принятой 24 сентября 2012 г. В п. 24 Декларации содержится призыв ко всем государствам рассмотреть вопрос о ратификации или присоединении к Римскому статуту Международного уголовного суда. Автором делается обоснованный вывод о возможности политизации Суда. Российская Федерация, КНР, США, Индия не стали участниками Статута. Многие виды преступлений, указанных в Статуте, являются общепризнанными независимо от участия в Статуте (с. 179).

Толкование терминов и понятий в праве в целом, а не только в международном праве, — особенность исследований

проф. С.В. Черниченко. В рецензируемой книге также применен этот прием, причем для читателей будет интересно прочесть об общепринятом понятии «Россия — правопреемник СССР». Делается вывод: «Если бы данное выражение соответствовало бы действительности, Россию как нового субъекта международного права необходимо было бы принять в члены ООН в качестве “наследника СССР”» (с. 192), т.е. другого государства (иначе пришлось бы прибегнуть к ст. 108 Устава ООН). В свое время Генеральный секретарь ООН сделал заявление (после консультаций с членами ООН) о том, что смена названия «СССР» на «Российская Федерация» носит уведомительный характер и не требует принятия какого-либо решения. Следует указать, что терминологические особенности перевода на русский язык в ряде документов международного права являются весьма существенными для правоприменения и толкования. Профессор С.В. Черниченко неоднократно останавливается на этом вопросе.

Большой интерес ученого к международному правосу — свидетельство его очень ценного качества предвидения будущих вызовов и политических противостояний 2022 г. Этой теме посвящено много страниц в книге: касается ли этот вопрос соотношения международного и конституционного права; деятельности Европейского Суда по правам человека или принятия Конституционным Судом РФ решений по конкретным запросам. Во всех случаях проблема разрешается с использованием многих правовых источников, привлечением мнения авторитетных лиц, среди которых выводы самого автора являются наиболее доступными для российских исследователей (с. 193–219). Комментарий Постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» от 4 июля 2013 г., затем обсуждение ряда положений Федерального конституционного закона от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» дает основание С.В. Черниченко сформулировать вывод: «как только федеральный орган исполнительной власти решит, что исполнение межгосударственного органа по защите прав человека невыгодно России, это можно объяснить расхождением с Конституцией России и положить начало рассмотрению дела в Конституционном Суде. В этом случае можно говорить о правиле, предусматривающем обязанность государств не ссылаться на свое внутреннее право для оправдания нарушения норм международного права, связывающих такие государства» (с. 195, 196). Это правило является общепризнанной нормой и закреплено в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., принятой задолго до принятия Конституции РФ от 12 декабря 1993 г., участницей которой Российская Федерация выступает как продолжатель СССР, что обусловлено Федеральным законом от 16 июня 1995 г. «О международных договорах Российской Федерации»³. Указанные межгосударственные органы не являются частью правовой системы Российской Федерации. Их решения по конкретным делам должны учитываться, даже если они являются рекомендациями. Тем более если они имеют для участников обязательный характер (с. 196). Автор логически выдержанно приводит доводы в необходимости следования государством взятых на себя международных обязательств. Он указывает на временное несоответствие между запросом Министерства юстиции РФ по данному делу, принятия изменений в компетенции Конституционного Суда РФ и датой рассмотрения ЕСПЧ самого дела. Вывод? «Возникает проблема правильного

³ См.: СЗ РФ. 1995. № 29, ст. 2757.

толкования Закона от 14 декабря 2015 года» (с. 197). По аналогии автор задается вопросом: «Почему не предоставить такое же право по решениям межгосударственным органов, созданным международными договорами с участием России? Ответа на это нет» (с. 198). Несоответствие указанных положений в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. при толковании п. 1 ст. 46 Венской конвенции и истинного содержания этой статьи Конвенции указывается на с. 204 рецензируемой работы. В отношении решения ЕСПЧ также следует вывод о не совсем корректном понимании теоретического вопроса о том, как далеко может простираться усмотрение ЕСПЧ. Вряд ли следует говорить о прецедентной практике ЕСПЧ. Данный термин хотя и получил некоторое распространение в документах, но не закреплен в Конвенции и не создает прецедентов в классическом понимании. Конвенция предусматривает только толкование норм ЕСПЧ, которое может меняться или уточняться с течением времени в связи с существованием неких обычных норм, параллельных с Конвенцией и Протоколами к ней (с. 200). ЕСПЧ превысил свои полномочия, начав обсуждать ч. 4 ст. 32 Конституции РФ в общем плане. Выводы ЕСПЧ по данному делу также, по мнению С.В. Черниченко, вызывают удивление (с. 207). Приходится констатировать, что Суд остановился на полпути, ограничиваясь фактом признания факта нарушения, довольно уязвимо с точки зрения аргументации, и возложением на Российскую Федерацию ответственности (*remedy*), но не более того (с. 208).

Не обходит вниманием автор и мнение Венецианской комиссии по поводу расширения компетенции Конституционного Суда РФ. «Выводы Венецианской комиссии выдают стремление во что бы то ни стало в конце концов “исправить” Конституцию России» (с. 209, 210). Ситуация, возникшая в связи с реакцией Конституционного Суда РФ на Постановление ЕСПЧ от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» против России (жалоба № 14902/04), нелегка. Основанием к рассмотрению дела стал запрос Министерства юстиции РФ. По этому вопросу автором приводится в качестве примера особое мнение судьи В.Г. Ярославцева, который считал запрос Министерства юстиции РФ, послуживший поводом к рассмотрению дела в Конституционном Суде РФ, недопустимым, т.е. Конституционный Суд РФ вышел за пределы своей компетенции и осуществил функцию законодателя (с. 217). Долгие рассуждения и аналитические выводы автора убеждают в сложности дилеммы — каковы пределы использования права (и международного особенно) в условиях всепоглощающих интересов «нового капитализма» с учетом его глобальных связей и возможностей юриспруденции, которая с неизбежностью должна следовать нормам статичного и взаимосвязанного во всех аспектах права конкретного государства и взятых им международных обязательств? Профессор С.В. Черниченко делает вывод: «Нельзя говорить о соотношении договорных норм и норм Конституции. Есть обязательство выполнять императивную норму международного права, требующую от государства действовать в соответствии с ней» (с. 219). Рассуждения о равной или большей юридической силе Конституции РФ или федеральных законов не требуются, когда мы говорим об императивных нормах, претерпевают ли они в рамках правовой системы России трансформацию, превращаясь в конституционные принципы, или же остаются императивными принципами международного права (с. 202). Все это есть свидетельство неоднозначности и сложности толкования права во взаимосвязи двух отраслей — национального и международного. «Правило правонарушения не создают

право», — таков тезис автора в главе восьмой книги. Следует привести в качестве цитат несколько выводов: «Мягкость политического режима — не показатель его демократичности. Сегодня есть такая мягкость, а завтра ее нет. Демократичность законов и методов их осуществления только в сочетании создают демократию. Демократии не может быть, если отсутствует один из этих компонентов» (с. 227). «На готовность народа к демократии может повлиять одно явление, которое не имеет точного названия. Опыт показывает, что страшные социальные катаклизмы иногда, казалось бы, полностью разрушали социальные экономические или политические структуры общества, затем, спустя какое-то время, когда все успокаивалось, в несколько измененном виде возрождалось. Это напоминает процесс расплавления и последующего охлаждения какого-либо вещества: после охлаждения его кристаллы приобретают ту же форму (кубическую, ромбовидную и т.д.), которую они имели до расплавления» (с. 235). Что это? Это природа, это народ, его обычаи, традиции, культура. Все то, что воплощено в национальной правовой системе устоявшегося за много веков общества. Распространяется ли это правило и на международные отношения? Несомненно, так как правило жить в мире с соседями — это общее правило народа, его *gens*. II Гаагская конференция 1907 г. использовала в этом случае термин, заимствованный у Ф.Ф. Мартенса, — «образованными народами». Совершенствование международного права нужно проводить, ориентируясь главным образом на естественное право (с. 248). Естественное право не знает исключений, допускающих рождение права в результате правонарушений (в отличие от позитивного права внутригосударственного и международного) (с. 249). Необходимо также понимать, что политические факторы способны заслонить правильную оценку развития международного права (с. 250). Тем не менее бывает случай, когда новая подобная норма начинает соответствовать новым условиям в международных отношениях (с. 249).

Часть вторая данной книги имеет название «*Наблюдения*». В значительной степени страницы этого раздела посвящены практическим рекомендациям дипломатическим работникам: «формы инструкций», «вопрос о возможности импровизаций» и т.д. Указания, директивы, инструкции и другие формы взаимодействия между лицом, уполномоченным представлять государство в международном общении, — все это с большой долей иронии и «выхода за рамки предмета прав человека» рассматривает проф. С.В. Черниченко. Вопрос о возможности импровизаций в ходе переговоров, по мнению автора, также входит в тактику и даже стратегию поведения представителя государства (с. 262). Рассматриваются и вопросы гражданства такого представителя. Весьма актуально звучат слова об угрозе у подобного представителя наличия двойного гражданства (с. 263). Так называемое скрытое представительство, представительство в личном качестве — эти вопросы читаются с большим интересом. Из личной практики дипломата можно узнать о большом личном участии проф. С.В. Черниченко в деле о судьбе Э. Хонеккера — председателя Государственного совета ГДР, Генерального секретаря ЦК СЕПГ. Это было время, когда М.С. Горбачев предлагал Э. Хонеккеру поселиться в СССР, а Б.Н. Ельцин принял решение о выдаче ФРГ бывшего лидера ГДР. Спустя 30 лет автор книги придерживается мнения: выдача Э. Хонеккера противоречила ст. 3(1) Декларации о территориальном убежище. Смелость ученого в обосновании своей позиции на разных уровнях его дипломатического поприща вызывает уважение. Но в книге есть и немало страниц, где совершенно четко оговаривается: представитель государства — дипломат — обязан

следовать главной инструкции, получаемой им от своего государства. Интересы государства выше личных эмоций (с. 266–272).

Проблема политизации права — это далеко не новая тема для юристов-международников. Глава вторая части второй книги содержит немало дискуссий по данной проблеме. Автор признается, что в период СССР он смешивал идеологизацию и политизацию прав человека (с. 285). Но, приводя мнение дипломата Ф.И. Станевского на одном из совещаний в Женеве с членами делегации ООН по правам человека, С.В. Черниченко подчеркивает: «идеологизация и политизация — это разные явления». В то же время недопустимость идеологизации не должна препятствовать праву на выражение своего мнения и убеждений. Идеологизация в межгосударственных отношениях, в том числе по вопросам прав человека, — стремление использовать контакты в этой области в пропагандистских целях, навязывании теми или иными государствами своего представления о миропорядке, часто скрывающего действительные цели данной позиции (с. 286). Политизации в этой же области, которая также получила наименование «двойных стандартов», означает попытку использовать межгосударственные отношения в своих интересах, игнорируя реальные интересы других государств. Автор многократно возвращается к толкованию понятия «агрессия». Отмечается, что та часть документов ООН, относящаяся к идеологической агрессии, приобрела в начале XXI в. опять актуальность (с. 289). Критерии агрессивного действия анализируются так же. «Просто нельзя с какой-то точки зрения отождествлять законченное действие, повлекшее за собой определенный результат и возможность совершения такого действия» (с. 290). Устав ООН определяет наличие любой угрозы миру (ст. 39). Не указано, что имеется в виду только международный мир. Надо считать, что любое нарушение мира может представлять собой угрозу международному миру и безопасности.

Действия Совета Безопасности ООН в подобных случаях строго регламентированы. «Любая неопределенность в описании вооруженного нападения приводит к возможности легализации произвола под предлогом самообороны. Действия, которые односторонне квалифицируются как вооруженное нападение, дающие основание для осуществления права на самооборону, не означают автоматически согласно Уставу ООН считаться актом агрессии (с. 292). Опасность расширения понятия «самооборона» существует, что дает возможность ответить вооруженными мерами на идеологическую агрессию без санкций Совета Безопасности. С.В. Черниченко в качестве примера приводит также практику бывшего украинского президента П.А. Порошенко, который использовал подобные методы, обвиняя Россию в агрессии (с. 295). Следует отметить, что нынешняя и будущая практика двусторонних отношений государств даст, безусловно, много нового в сфере международного права для всего мирового сообщества.

Возможны ли ограничения прав человека? Безусловно, но все эти действия должны соответствовать нормам права, как национального, так и международного. Автор указывает: фактическое ограничение осуществления прав человека выходит за пределы права — и международного, и национального (с. 324). Тем не менее чрезвычайное законодательство может быть совместимым с демократическими принципами лишь при соблюдении трех условий: 1) если такое законодательство принято до возникновения кризиса; 2) если оно содержит процедуры, предусматривающие предварительный и последующий контроль; 3) если оно будет применяться как временная мера (с. 325).

«Базовые принципы международного права и вопрос о приоритете международного права» — последняя глава рецензируемой книги. В ней автор размышляет о том, что такое народ, нация в толковании и применении как национально-го, так и международного права. Безусловно, эти понятия приобретают разные оттенки политического и правового наполнения на протяжении всего XX в. Ясно лишь одно: понятия «народ» и «нация» — это весьма значимые смысловые сущности, игнорирование которых может привести к большим катаклизмам. В этом ключе автор рассматривает вопросы прав человека в Прибалтике, на Украине и ряде других государств. «Трудно представить себе что-либо более опасное для человечества, чем нарушение международного мира. Это таит в себе опасность отрицания вообще существования человечества, т.е. отрицание вообще всех прав человека» (с. 278).

В этой книге автор как бы беседует мысленно со своими современниками — А.А. Ковалевым, В.С. Котляром, Е.Т. Усенко, Л.Н. Шестаковым, Л.А. Алексидзе — людьми его «эпохи», с теми, которые разделяли его взгляды, работали рядом во многих международных структурах: в Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств и других организациях; а главное — служили в те годы идеям всеобщего мира и разоружения. Смысл текста, включающего в себя полемику, несогласие автора со многими положениями науки международного права, весьма дипломатичен. Многим ученым, следующим в науке международного права «за поколением» С.В. Черниченко, будет полезно встретить свои имена именно в этом контексте. Столь тонкое, но категоричное несогласие и указание на противоречивость во мнениях по тому или иному поводу — это свойство большого ученого. Автор как бы подсказывает молодым ученым, какого направления следует придерживаться в рассуждениях по поводу соотношения международного и внутригосударственного права; соотношения международного публичного и частного права; соотношения права Евросоюза и национального права государств; «юридизации» морали или морализации права (с. 45). С.В. Черниченко высказывает сожаление: об употреблении термина «прецедент» (вернее, искажение этого понятия) применительно к практике Европейского Суда по правам человека (с. 65, 66); о признании индивида субъектом международного права (с. 106–108); о непонимании взаимосвязи международного публичного и международного частного права (с. 112–115); о месте международного частного права в системе права (с. 342–355); о сложностях толкования вопросов соотношения терминов «суверенитет» и «нация» (с. 372–374); о претензии термина «интеграционное право» на статус отдельной отрасли (с. 416–418). В практической своей деятельности проф. С.В. Черниченко следовал правилу безусловной поддержки молодых кадров, которые подавали надежду в научных исследованиях. Его ученики и коллеги хорошо помнят эту его черту. И только в этой, почти посмертной, книге он указал на большие перспективы в совершенствовании научного подхода к науке международного права, к теоретизированию в этой отрасли юриспруденции. Безусловно, «смутное время» почти непрекращающихся перемен в Европе конца XX — начала XXI в. накладывает свою печать на формирование научных подходов к тем или иным проблемам.

* * *

Эпилог в книге служит обобщению тех идей и размышлений, которые хотел в научной и в то же время доступной форме изложить проф. С.В. Черниченко. Есть вопросы, которые нуждаются в специальных исследованиях. Несмотря на

кажущуюся простоту предмета, именно институт прав человека является краеугольным в науке права начала XXI в. Сумеет ли человечество удержать те завоевания коллективной мысли, которые нашли свое место в Уставе ООН и других источниках международного права? Профессор С.В. Черниченко на самых последних страницах своей последней книги выражает уверенность в том, что международное право сохранится как регулятор общественных отношений, так как еще не реализованы все замыслы лучшей части человечества, и главное, чтобы нарушения не превышали критический уровень, допустимый для сохранения мира (с. 420). Оставив научному сообществу свою последнюю книгу-размышление, на обложке которой сохранен личный автограф автора, С.В. Черниченко как бы напоминает всем своим ученикам и последователям: подпись-то я в зачетку поставил, а вот оценку своим действиям определяйте сами...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Черниченко С.В.* Контуры международного права. Общие вопросы. М., 2014.

Сведения об авторе

СМИРНОВА Елена Станиславовна — кандидат юридических наук, проректор Международного славянского института; 129085 г. Москва, ул. Годовикова, д. 9, стр. 25

2. *Черниченко С.В.* Очерки по философии и международному праву. М., 2009.
3. *Черниченко С.В.* Права человека, императивные нормы и базовые принципы международного права: записки юриста-международника. М., 2021. С. 5, 19, 20, 22, 23, 37, 45, 47, 56, 59, 65, 66, 77, 79–92, 102, 104, 106–108, 111–115, 119–122, 127, 129, 144, 179, 192–219, 227, 235, 248–250, 262, 263, 266–272, 278, 286, 289, 290, 292, 295, 324, 325, 342–355, 372–374, 416–418, 420.

REFERENCES

4. *Chernichenko S. V.* Contours of International Law. General questions. M., 2014 (in Russ.).
5. *Chernichenko S. V.* Essays on philosophy and International Law. M., 2009 (in Russ.).
6. *Chernichenko S. V.* Human rights, imperative norms and basic principles of International Law: notes of an international lawyer. M., 2021. P. 5, 19, 20, 22, 23, 37, 45, 47, 56, 59, 65, 66, 77, 79–92, 102, 104, 106–108, 111–115, 119–122, 127, 129, 144, 179, 192–219, 227, 235, 248–250, 262, 263, 266–272, 278, 286, 289, 290, 292, 295, 324, 325, 342–355, 372–374, 416–418, 420 (in Russ.).

Authors' information

SMIRNOVA Elena S. — PhD in Law, Vice-Rector of the International Slavic Institute; 9, bld. 25 Godovikova str., 129085 Moscow, Russia